

СОЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПРОБЛЕМА «ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕГРАЦИЙ»

А. М. Байчоров

*доктор философских наук,
профессор кафедры международных отношений
факультета международных отношений
Белорусского государственного университета*

УДК 339.923(1-67)ЕврАзЭС

Термин «интеграция интеграций», введенный в оборот министром иностранных дел Беларуси С. Н. Мартыновым в начале нулевых годов XXI в., означает интеграцию евразийской и европейской интеграций. С вступлением в силу Лиссабонского договора в 2009 г. Европейский союз активно дополняет состоявшуюся экономическую интеграцию интеграцией в сфере безопасности и общей внешней политики. Очередной шаг на пути евразийской интеграции был сделан в Астане 29 мая 2014 г., когда главы Беларуси, Казахстана и России подписали Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), который после его ратификации тремя странами должен вступить в силу 1 января 2015 г.

Продвигая озвученную президентом Казахстана Н. Назарбаевым в 1994 г. в МГУ идею евразийской интеграции, президент России В. Путин неоднократно высказывался за создание общего экономического пространства с ЕС. Впервые, еще будучи премьер-министром, В. Путин озвучил идею создания общего экономического пространства с ЕС в интервью немецкой газете «Зюддойче Цайтунг» в 2010 г. В этом интервью он обозначил *5 ключевых пунктов интеграции интеграций*.

Первое. Создание гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока. А в будущем – возможно, и зоны свободной торговли... Фактически мы получим общий континентальный рынок емкостью в триллионы евро.

Очевидно, что для начала следовало бы убрать все оставшиеся препоны на пути вступления России в ВТО. Затем – провести унификацию законодательства и таможенных процедур, а также правил технического регулирования.

Второе. Общая промышленная политика, основанная на сложении технологических и ресурсных потенциалов России и ЕС...

Третье. Буквально стучится в двери идея о создании единого энергокомплекса Европы...

Четвертое. Как бы вслед за заводами наш континент не начали покидать конструкторские бюро и инжиниринговые компании. Европейская наука и образование должны обеспечить себе лидерские позиции... Мы хотим, чтобы в университетах Евросоюза учились студенты из России. И готовы шире открыть двери наших вузов для молодежи ЕС.

Пятое. Подлинное партнерство на нашем континенте невозможно, пока сохраняются барьеры, главный из которых – визовый режим между Россией и ЕС. Мы считаем, что отмена виз должна стать не завершением, а началом процесса реальной интеграции России и ЕС.

В качестве кандидата в президенты В. Путин в программных статьях и выступлениях также неоднократно высказывался за создание общего экономического пространства с ЕС. В статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» В. Путин напоминал, что еще в 2003 г. Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи Россия предложила европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции: о формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки. И, наконец, о снятии визовых барьеров. В этой статье В. Путин отмечал, что «экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект» [1].

Будучи последовательным, кандидат в президенты России в феврале 2012 г. пишет в статье «Россия и меняющийся мир»: «Вновь предлагаю поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока. А в будущем выйти и на формирование зоны свободной торговли и даже более продвинутых

механизмов экономической интеграции. Тогда мы получим общий континентальный рынок стоимостью в триллионы евро. Есть ли сомневающиеся в том, что это было бы здорово, отвечало бы интересам россиян и европейцев?» [2].

В феврале 2013 г. президент В. Путин подписывает новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. В разделе «Региональные приоритеты» взаимоотношения с ЕС описываются сразу после СНГ и перед другими региональными организациями. Этим взаимоотношениям посвящено семь положений раздела. В 56-м положении Концепции провозглашается, что «основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана» [3].

В начале 2013 г. появились первые признаки того, что руководство ЕС заинтересовалось идеей интеграции интеграций. В марте 2013 г. на очередном саммите Россия – ЕС глава Еврокомиссии Ж. М. Баррозу, описывая достигнутый уровень российско-европейского партнерства, констатировал, что если раньше его можно было назвать партнерством по необходимости, то теперь это партнерство по предпочтительности, и подтвердил, что **«мы все заинтересованы в создании единого пространства для передвижения товаров и людей от Лиссабона до Владивостока»** (выделено автором – А. Б.).

Наконец, на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Минске в октябре 2013 г. В. Путин вновь повторил свой известный тезис о создании общего экономического пространства с объединенной Европой. «Мы стремимся создать единое евразийское экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока, – заявил он, – но для того, чтобы это было на равноправной основе и мы не несли экономических потерь и, как производное, не имели проблем в социальной сфере, это должно быть согласовано постепенно» [4].

Форсируя создание ЕАЭС и подчас подгоняя своих нераспорочных партнеров, Москва рассчитывала на то, что, во-первых, Европа начнет наконец разговаривать с ней на равных; во-вторых, встав во главе достаточно большого регионального интеграционного объединения, включающего Украину и еще пять-шесть бывших советских республик, Россия сможет если не диктовать условия интеграции интеграций, то, по крайней мере, участвовать в их проработке

с правом блокирующего голоса. До начала общенационального украинского кризиса и присоединения Крыма к России в Кремле рассчитывали, что, став во главе ЕАЭС, Россия сможет улучшить свои переговорные позиции с ЕС, а там, возможно, вырасти в глобального игрока, с которым будут считаться даже в Вашингтоне и Пекине. Однако из-за украинских событий этим надеждам Москвы не суждено было сбыться.

Опыт становления Евросоюза наглядно подтвердил ту принципиальную позицию, что при формировании интеграционных объединений приоритетное внимание должно уделяться вопросам институционального строительства. Передача этим структурам новых дополнительных полномочий требует кропотливой, иногда многолетней, работы по согласованию национальных позиций и приоритетов. В институциональном строительстве ЕАЭС целесообразно опираться на принцип субсидиарности, характерный для ЕС, согласно которому большинство и экономических, и политических решений принимается на возможно более низком уровне, а на наднациональный уровень выносятся рассмотрение лишь тех проблем, которые только там и могут быть решены. В этом вопросе автор согласен с директором Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Е. Ю. Винокуровым, отметившим в своем эссе «Прагматичное евразийство», что «в развитии политических аспектов объединения целесообразен консервативный подход, основанный на принципе субсидиарности» [5].

Евразийская интеграция может оказаться успешной при условии, что она учтет ошибки и воспримет достижения европейской интеграции, а также при готовности Москвы спонсировать ее (особенно на первоначальных стадиях). Выделение Российской Федерацией двухмиллиардного кредита Беларуси в мае 2014 г. подтверждает это.

Таким образом, как представляется, евразийская интеграция, в отличие от европейской, является, *во-первых*, не только многонациональной, но и мультицивилизационной, в нее вовлечены многоконфессиональные христианские страны с европейской культурой (Беларусь), евроазиатские страны (Казахстан, где по правительственной программе «Болашак» почти 80 процентов студентов обучаются в ЕС и США, а треть внешнеторгового оборота приходится на Европейский союз), мусульманские государства с азиатской культурой (Киргизия, Таджикистан), страны кавказской культуры, население

которых исповедует особую разновидность христианства (Армения), и, наконец, Россия с целым созвездием религий и культур.

Во-вторых, евразийская интеграция является мультиполитической, т. е. каждая страна стремится сохранить свой политический суверенитет. Не случайно в самом начале обсуждения идеи евразийского союза Беларусь и Казахстан настаивали на включение в его название слова «экономический».

В-третьих, уже сегодня ясно, что евразийская интеграция будет мультискоростной. Она будет протекать, как и протекает сегодня, с различной скоростью в различных секторах экономики, что, безусловно, будет дополнено различной скоростью протекания интеграционных процессов между Россией, Беларусью и Казахстаном и присоединяющимися позднее Арменией, Киргизстаном и Таджикистаном.

В 2013 г. Брукингский институт организовал семинар на тему «Американо-российские отношения: что дальше?» (*US-Russian Relations: what's next?*) Его участники пришли к выводу, что создание ЕАЭС представляет попытку более тесной экономической интеграции на постсоветском пространстве с важным политическим подтекстом: формируя ЕАЭС, Москва стремится играть роль регионального гегемона на постсоветском пространстве в соответствии со своими глобальными интересами. Эти интересы включают, в частности, в Центральной Азии противостояние растущему влиянию Китая, а в Европе – противостояние влиянию Европейского союза и США.

Проанализированные выше высказывания президента В. Путина и Концепция внешней политики России, одобренная в 2013 г., давали основания полагать, что идея интеграции интеграций могла бы реализоваться и ЕАЭС мог бы стать составной частью единого экономического пространства от Ванкувера до Владивостока. Однако украинский общенациональный кризис и присоединение Крыма к России подорвали доверие Запада к политике Москвы. Реализация концепции интеграции интеграций откладывается на неопределенный срок. Стремясь противостоять международному давлению (как известно, сто государств высказались в ООН против отторжения Крыма от Украины), Кремль вынужден будет искать сближения с Пекином, идя на определенные уступки Китаю в Центральной Азии и в двусторонних отношениях.

Подписание Договора о ЕАЭС главами трех государств не стало неожиданностью для основных геополитических игроков. В США отнеслись к этому довольно скептически, считая все это попыткой Москвы обеспечить какой-то периметр безопасности вокруг России. В Вашингтоне преобладало мнение, что создаваемый ЕАЭС скорее всего ожидает незавидная судьба аналогичных интеграционных образований, обращенных в прошлое, подобных СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС. В Евросоюзе отнеслись к данному событию достаточно равнодушно с учетом того, что доля стран ЕАЭС в товарообороте с ЕС менее 5 процентов. Брюссель в отношении создаваемого нового интеграционного образования занял тактическую позицию «поживем – увидим» (*wait and see*).

С определенной долей озабоченности подписание договора о ЕАЭС было воспринято в Китае. В свете предпринимаемых Западом усилий по сдерживанию КНР (начатые в 2013 г. переговоры по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, по формированию зоны свободной торговли Япония – ЕС, по образованию Тихоокеанского партнерства), а также отказа России принять китайское предложение о зоне свободной торговли в Шанхайской организации сотрудничества в Китае расценили образование ЕАЭС как попытку Москвы ограничить китайское влияние в Центральной Азии, как потенциальную возможность ограничения свободного доступа китайской продукции на рынок нового интеграционного образования. В Пекине пытаются найти свою контригру против попыток, прежде всего Вашингтона, изменить правила международной торговли путем создания новых региональных и межрегиональных интеграционных схем. Именно в этом контексте стоит рассматривать предложение президента КНР Си Цзиньпина, сделанное в Астане 7 сентября 2013 г., о создании экономического Шелкового пути от Тихого до Атлантического океана и китайское предложение о зоне свободной торговли КНР – ЕС, формирование которой в «долгосрочной перспективе» предусмотрено в Совместной декларации, одобренной по итогам визита Си Цзиньпина в Брюссель 31 марта 2014 г. Пока образование ЕАЭС и создание экономического Шелкового пути от Тихого до Атлантического океана видятся не как дополнительные, а как конкурирующие инициативы.

Следует отметить, что в российском политическом классе подписание Договора о ЕАЭС было воспринято с нескрываемым опти-

мизмом. В. Путин подчеркнул в ходе церемонии подписания: «Сегодня мы вместе создаем могучий и привлекательный центр экономического развития, огромный региональный рынок, объединяющий более 170 миллионов человек». Заместитель председателя Совета Федерации С. Шатилов отметил, что «Договор о ЕАЭС даст дополнительные возможности сотрудничества для бизнеса наших стран, так как в ЕАЭС будет создана общая договорно-правовая база, будет организована торговля через биржи, информационный центр, будут учреждены другие органы управления» [6]. Вместе с тем ряд известных российских экспертов, в том числе директор Центра постиндустриальных исследований (Москва) В. Иноземцев, уверены, что «никакая «интеграция интеграций» – сколь бы привлекательной ни выглядела эта концепция – между ЕвразЭС и ЕС, ОДКБ и НАТО – невозможна даже в отдаленной перспективе» [7].

В Беларуси более оптимистично настроены в отношении «интеграции интеграций». Нет сомнений, что украинский национальный кризис и присоединение Крыма к России сняли этот вопрос с сегодняшней повестки дня в Европе. Вместе с тем, очевидная привлекательность этой идеи (и не в последнюю очередь тот факт, что она логично ложится в русло стратегической линии Запада на сдерживание КНР) делает вероятным возвращение к ее предметному обсуждению после урегулирования украинского кризиса.

29 мая 2014 г. заместитель министра иностранных дел Республики Беларусь Е. Н. Купчина провела встречу с преподавателями и студенческим активом факультета международных отношений Белорусского государственного университета. Отвечая на вопрос автора по поводу перспективы осуществления интеграции интеграций, она отметила, что представители ЕС, с которыми ей приходилось встречаться в последнее время, не отвергали эту идею, наоборот, готовы были вернуться к ее обсуждению через определенное время. Президент Сербии Т. Николич в ходе визита в Сербию А. Лукашенко в июне 2014 г. однозначно высказался за перспективность и необходимость этой идеи.

Таким образом, образование ЕАЭС само по себе не ставит крест на концепции интеграции интеграций. Эта идея остается привлекательной для руководства России, Беларуси и Казахстана. В 2013 г. появились первые признаки того, что и руководство ЕС склоняется к тому, чтобы начать ее предметное рассмотрение. Украинский кризис

предопределил появление совершенно новой реальности во взаимоотношениях ЕС и США с Российской Федерацией. На смену духу партнерства и сотрудничества пришли недоверие, подозрительность, озабоченность. У многих на Западе сложилось мнение о недоговороспособности Москвы. В этих условиях, как представляется, наиболее действенной стратегией по продвижению концепции интеграции интеграций был бы не отказ от ее обсуждения, а параллельно с усилиями по урегулированию украинского кризиса продолжать поддерживать интерес к ней в структурах ЕС.

Библиографические ссылки

1. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – 3 окт.
2. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Моск. новости. – 2012. – 27 февр.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февр. 2013 г. // МИД РФ [Электронный ресурс]. – 2013. – URL : http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F. (дата обращения : 19.06.2014).
4. Евразийский союз Путина : От Лиссабона до Владивостока // Глобальный конфликт [Электронный ресурс]. – URL : <http://globalconflict.ru/analytics/39031-evrazijskij-soyuz-putina-ot-lissabona-do-vladivostoka>. (дата обращения : 19.06.2014).
5. Винокуров Е. Прагматичное евразийство // Россия в глобальной политике [Электронный ресурс]. – 2013 – URL : <http://www.globalaffairs.ru/print/number/Pragmaticheskoe-evraziistvo-15950#>. (дата обращения : 19.03.2014).
6. EEU to allow Russia, Kazakhstan, Belarus to reach higher integration level – senator // ITAR-TASS [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://en.itar-tass.com/economy/733997>. (date of access : 08.009.2014).
7. Простым решениям здесь не место // Центр стратегических и внешнеполитических исследований [Электронный ресурс]. – 2014. – URL : <http://csfs.by/new-research/prostym-reshaniyam-zdes-ne-mesto>. (date of access : 03.06.2014).

Создание Евразийского экономического союза и проблема «интеграции интеграций» (Александр Байчоров)

Статья посвящена интеграции евразийской и европейской интеграций – созданию единого евразийского экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, системы партнерства Евразийского союза и Евросоюза. Автор подчеркивает, что реализация концепции «интеграции интеграций» является наиболее действенной, несмотря на неоднозначные оценки в Европейском союзе, США, КНР. Автор отмечает, что евразийская интеграция, в отличие от европейской, является мультицивилизационной, мультиполитической,

мультискоростной. В этих условиях автору представляется, что в Европейском союзе необходимо продолжать обсуждать концепцию «интеграции интеграций» параллельно с усилиями по урегулированию украинского кризиса.

Ключевые слова

Интеграция интеграций, евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Российская Федерация, Европейский союз, Китай, Единое экономическое пространство.

Creation of the Eurasian Economic Union and the issue of «integration of integrations» (Alexander Baichorov)

The article is devoted to the integration of the Eurasian and European integration – the creation of a common Eurasian economic space from Lisbon to Vladivostok, system of partnership of the Eurasian Economic Union and the European Union. The author analyzes the conditions under which the implementation of the Eurasian integration will be possible. The author emphasizes that the implementation of the concept of «integration of integration» is the most effective, despite the a mixed assessments in the European Union, the USA and China. The author notes that the Eurasian integration, as opposed to European, is multicivilizational, multipolitical, multispeed. In these circumstances, the author underlines that the European Union should continue to discuss the concept of «integration of integrations» in parallel with the efforts to resolve the Ukrainian crisis.

Key words

Integration of integrations, Eurasian integration, the Eurasian Economic Union, the Russian Federation, the European Union, China, a common economic space.

Статья поступила в июне 2014 г.

Рецензенты:

Шарапо А. В. – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета;

Есин Р. О. – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь.